

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА В
ГЛАЗАХ ЖЕНЩИНЫ

Сергей Патрушев

**Настоящий мужчина
в глазах женщины**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Настоящий мужчина в глазах женщины / С. Патрушев —
«Автор», 2026

Это история о женщине, которая боялась темноты. И о мужчине, который однажды протянул ей руку и сказал: «Идемте, я рядом». Лиза прошла через болезненные отношения, потеряла веру в любовь и научилась довольствоваться малым — работой, одиночеством, тишиной в пустой квартире. Но встреча с Сергеем, обычным айтишником с взрослой дочерью, переворачивает всё. Он не обещает сказку, не говорит красивых слов — он просто оказывается рядом в самый трудный момент. Им предстоит пройти через многое: недоверие Кати, его дочери, которая видит в Лизе врага; преследование опасного бывшего, не желающего отпускать; разлуки и встречи, сомнения и страхи. Но главное — им предстоит научиться быть семьей. Не по крови, а по духу. Это роман о том, как любовь побеждает страх. О том, что настоящий мужчина — не тот, кто громче всех кричит о своей силе, а тот, кто остается, когда все уходит. О том, что счастье возможно в любом возрасте, если не бояться протянуть руку навстречу.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Настоящий мужчина	5
Глава 2. Точка отсчета	8
Глава 3. Испытание чувств	13
Глава 4. Территория доверия	18
Глава 5. Чужие не мы	22
Глава 6. Свои среди чужих	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Настоящий мужчина в глазах женщины

Глава 1. Настоящий мужчина

Она сидела на широком подоконнике в квартире подруги, поджав под себя ноги, и грела ладони о кружку с давно остывшим чаем. За окном тяжелыми хлопьями падал снег, превращая вечерний город в декорацию к рождественской сказке, но в комнате висело совсем другое настроение – терпкое, как недопитое вино, и колючее, как шерстяной плед, которым она укрывала колени.

– Лиз, ты только подумай, – голос Кати звенел от возмущения и какой-то веселой безысходности, – он приходит ко мне вчера. С бутылкой, между прочим, вина. Дорогого. Я уже раз мечталась: свечи, разговоры, может быть, даже тот шелковый комплект, что я купила на распродаже... А он, знаешь, что сделал?

– Что? – лениво спросила Лиза, наблюдая, как снежинка прилипает к стеклу и медленно тает, превращаясь в прозрачную каплю.

– Он принес с собой отвертку! – Катя всплеснула руками, едва не опрокинув свой бокал. – Представляешь? Отвертку! У меня уже месяц дверца на кухонном шкафчике висела на честном слове, и я как-то пожаловалась ему по телефону. И он запомнил! Мало того, он сначала полчаса возился с этой дверцей, потому что петли там, видите ли, советские, разошлись, и только потом, перепачканный пылью и какой-то старой смазкой, открыл вино.

– И в чем проблема? – Лиза искренне не поняла драматизма подруги. – По-моему, мило. Практичный мужчина.

– Лизонька, солнце мое, – Катя посмотрела на нее с выражением лица, какое бывает у учителя начальной школы, объясняющего прописные истины, – мило – это цветы на первое свидание. Мило – это комплименты. А отвертка... Ну какая же это романтика? Где страсть, где «я хочу тебя раздеть», а вместо этого – «я хочу починить тебе шкаф»? Я чувствовала себя не женщиной, а объектом жилищно-коммунального хозяйства.

Лиза улыбнулась, но в этой улыбке не было веселья, скорее грустная снисходительность. Она вдруг вспомнила своего бывшего, Максима. Тот был мастером большой романтики. Он мог среди ночи примчаться с охапкой тюльпанов, мог украсть ее с работы, чтобы увезти в загородный отель на уикенд, мог шептать такие стихи в темноте, что у нее подгибались колени. А когда у нее случился жуткий приступ цистита, и она, скукожившись от боли, попросила его сходить в аптеку, он поморщился и сказал: «Зай, ну это как-то не очень... купить таблетки от такого... Давай я тебе просто такси вызову, сама съездишь? Это же быстро». И она поехала. Сама. Потому что его мужская романтика не выносила соприкосновения с прозой жизни.

– Знаешь, Кать, – тихо сказала Лиза, отставляя кружку, – мне кажется, мы сами запутались в том, кого ищем. Мы хотим, чтобы он был одновременно Золушкой в мужском обличье, который молча и безропотно чинит нам шкафы, и принцем на белом коне, который увозит нас в закат, не испачкавшись в машинном масле.

– Ну да! А что в этом плохого? – Катя надула губы, но в глазах уже заплясали смешинки.
– Я хочу всё и сразу. Чтобы и шкаф починил, и серенаду спел.

– А серенады он тебе спел? Ну, после шкафа? – хитро прищурилась Лиза.

Катя замялась, густо покраснела, уткнулась носом в бокал и пробормотала что-то невнятное. Лизе не нужно было переспрашивать. Она поняла: спел. И, судя по Катиному лицу, спел очень убедительно.

Выходя от подруги и шагая по хрустящему снегу, Лиза размышляла. Этот парень с отверткой, который побоялся показаться нечутким, если сначала не сделает дело, а потом уже приступит к удовольствиям, вдруг оказался ей куда более настоящим, чем сотни гламурных ухажеров из ее прошлого. В нем не было показного блеска, но было что-то более ценное – способность слышать не слова, а нужды.

Через два дня судьба словно решила продолжить эксперимент. Лиза задержалась на работе допоздна. Здание опустело, только в их отделе горел свет, да где-то внизу уборщица гремела ведром. Она уже собиралась уходить, как вдруг свет погас. Просто щелчок – и непроглядная тьма. Лиза замерла, вцепившись в край стола. Паника подкатила к горлу липким комом. Телефон! Она судорожно нащарила его в сумке, включила фонарик – тоненький лучик выхватил из мрака лишь край стола и груды бумаг.

В коридоре было еще страшнее. Тьма здесь казалась густой, осязаемой. Лиза пошла на ощупь, пиная ногой стулья и матерясь сквозь зубы. И вдруг она услышала шаги. Тяжелые, спокойные, приближающиеся. Сердце ухнуло в пятки. Грабитель? Охранник? Маньяк?

– Есть кто живой? – раздался в темноте низкий, чуть насмешливый голос. – Или тут одни привидения в офисной броне?

– Я... я здесь, – выдохнула Лиза, и голос ее предательски дрогнул.

Луч мощного фонаря ударил ей в глаза, ослепив на секунду. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела перед собой мужчину. Высокого, в темном пальто, с большой сумкой через плечо. Это был новый сотрудник из IT-отдела, кажется, его звали Сергей. Они пару раз сталкивались в курилке, но не разговаривали.

– Испугались? – спросил он, и в голосе пропала насмешка. – Извините, не хотел напугать. Увидел свет в окне, думал, может, кто забыл выключить, а сам сижу, сервера чиню. Тут и рвануло. Аварийное отключение, видимо. Щитки старые.

– Я... да, испугалась, – честно призналась Лиза. – Темноты боюсь с детства.

Он не стал говорить «фу, какая глупость» или «ты же взрослая женщина». Он просто кивнул, словно она сообщила ему самый обыденный факт вроде «я люблю кофе с молоком».

– Понял. Тогда идемте. Давайте руку.

Он протянул ей ладонь, и Лиза, помедлив секунду, вложила в нее свою. Ладонь была теплой, сухой и очень надежной. Он не сжимал ее пальцы до хруста, не тащил за собой, а просто держал, давая опору. Свет от его фонаря вырезал из темноты ровную дорожку на полу.

– Осторожно, тут ступенька, – предупредил он, чуть сжимая ее руку. – Спускайтесь.

Они шли молча. В полной темноте, нарушаемой лишь узким лучом, это молчание не было неловким. Оно было естественным, как дыхание. Лиза чувствовала его плечо рядом, его спокойствие передавалось ей, растворяя панику.

На первом этаже у дверей черного хода он отпустил ее руку и толкнул тяжелую металлическую дверь. В лицо ударил морозный воздух, пахнувший снегом и свободой. Фонари во дворе не горели – видимо, авария была серьезная, но небо было чистым, и звезды, неожиданно яркие, рассыпались над головой.

– Ну вот и всё, – сказал он, убирая фонарь. – Дальше вы сами?

– Дальше да, – Лиза поежилась от холода. – Спасибо вам огромное. Вы даже не представляете, как я вам благодарна. Я бы там, наверное, до утра просидела в истерике.

– Представляю, – коротко ответил он. – Сестра моя тоже темноты боится. Даже спит с ночником.

Он смотрел на нее спокойно, без тени заигрывания или оценивающего взгляда. В этом взгляде не было желания немедленно получить номер телефона или развить успех. Было просто человеческое участие.

– Слушайте, – вдруг сказал он, словно приняв решение. – У меня тут в термосе чай. Я всегда с собой на ночные дежурства беру. Горячий, сладкий. Может, выпьете, пока такси ждете? А то дрожите вся. Или нет, неудобно, наверное, с незнакомым мужиком...

– Удобно, – перебила его Лиза и улыбнулась впервые за этот долгий, полный страха вечер. – Очень удобно.

Они стояли в темном дворе, запрокинув головы к звездам, и пили обжигающе сладкий чай из пластиковой крышки термоса, передавая его друг другу. Он рассказывал про серверы, которые никак не хотели запускаться, про кота, который живет у них в серверной и греет оборудование, и про то, как однажды его заперли в этом же здании на все выходные. Он не пытался казаться умным или остроумным. Он просто был.

И Лиза вдруг с отчетливой ясностью поняла, что именно сейчас, в этой темноте, с этим почти незнакомым человеком, она чувствует себя в безопасности, как не чувствовала никогда рядом с мужчинами, которые дарили ей цветы и говорили красивые слова. Она поняла, что настоящий мужчина – это не тот, кто кричит о своей силе. Это тот, чья тишина громче любых обещаний. Это тот, кто в кромешной тьме не предлагает тебе справляться самой, а просто протягивает руку и говорит: «Идемте». И ты идешь, потому что знаешь – с ним не страшно. Ни в темноте, ни в жизни.

Глава 2. Точка отсчета

После той ночи у здания офиса Лиза поймала себя на том, что думает о нем чаще, чем следовало бы. Сергей. Она даже не знала его отчества, не знала, есть ли у него кто-то, не знала, сколько ему лет – хотя, судя по седине на висках, которую она разглядела при свете звезд, явно больше ее тридцати пяти. Но эти детали казались неважными. Важным было другое: в понедельник утром, войдя в лифт, она вдруг поймала запах – терпкий, чуть сладковатый аромат кофе с нотками древесной смолы. Точно такой же был у того чая из термоса. И сердце ее глухо стукнуло где-то в горле.

Она стала замечать его повсюду. Раньше он был просто частью офисного пейзажа, безликим айтишником, который иногда мелькал в коридоре с неизменной чашкой в руке. Теперь же она выхватывала его взглядом из толпы сотрудников в столовой, ловила себя на том, что прислушивается к мужским голосам в холле, пытаюсь угадать его низкий, чуть хрипловатый тембр. Это было глупо, по-детски, и Лиза злилась на себя. В ее возрасте пора уже не влюбляться, как школьница, а строить отношения здраво и прагматично.

– Ты чего такая рассеянная? – спроецировала Катя в трубку, когда они болтали вечером.
– Я тебе уже три раза про Сережу из бухгалтерии рассказываю, а ты только «угу» мычишь.

– Какого Сережу? – не поняла Лиза.

– Вот! – торжествующе воскликнула Катя. – Я же говорю, витаешь в облаках. Слушай, а может, тебе того, роман завести? А то ты после Максима как монашка живешь. Организм требует, знаешь ли...

– Кать, перестань. Ничего мой организм не требует, кроме покоя.

– Ой, покоя она требует! – фыркнула подруга. – Покой нам только снится. Кстати, мы тут с моим шкафовым мастером в субботу шашлыки едем за город, с компанией. Давай с нами? Там будет кое-кто интересный...

– Кто?

– Ну, я не скажу. Сюрприз. Но тебе понравится. Он программист, между прочим. Обеспеченный, квартира своя, машина, не пьет...

У Лизы похолодело внутри. Программист. Из их офиса?

– Твой... ну, Саша, который с отверткой, – осторожно спросила она, – он кого-то зовет? Из коллег своих?

– Не знаю, – беззаботно ответила Катя. – Говорит, будут свои, пара друзей. А что?

– Да нет, ничего, – быстро сказала Лиза, чувствуя, как предательски запылали щеки. – Я подумаю.

Она не поехала. Нашла тысячу отговорок: работа, отчетность, головная боль. Но весь субботний вечер просидела у окна, глядя на темнеющее небо, и злилась на себя за трусость. Чего она боится? Что он посмотрит на нее и не вспомнит? Или что вспомнит и, чего доброго, пригласит на чай из термоса, а она опозорится, ляпнув какую-нибудь глупость?

В понедельник она пришла пораньше, надеясь встретить его в коридоре, но вместо этого наткнулась на него в лифте, когда он уже закрывался. Их взгляды встретились, и Сергей, вместо того чтобы нажать кнопку своего этажа, придержал дверь.

– Заходите, – просто сказал он.

Лиза шагнула внутрь, и лифт, словно издеваясь, поехал не вверх, а куда-то в сторону, потом дернулся и встал. Они застряли. Ровно на секунду Лизу накрыло привычным ужасом – замкнутое пространство, темнота (лампочка в лифте мигнула и погасла, оставив лишь тусклый аварийный свет), но рядом был он.

– Ну вот, – в его голосе не было ни капли паники, только легкая досада. – Давно не чинили. Начальство экономит на всем. Вы не бойтесь, сейчас лифтерша включит ручной режим. Минут пять-семь.

– Я не боюсь, – удивившись самой себе, сказала Лиза. – С вами не боюсь.

Он посмотрел на нее, и в тусклом свете она увидела, как дрогнули уголки его губ.

– Приятно слышать. А то я уже привык, что от меня женщины шарахаются. Говорят, вид у меня слишком суровый.

– Ничего не суровый, – возразила Лиза. – Нормальный вид. Надежный.

Повисла пауза, но не тягостная, а какая-то... уютная, что ли. Лиза вдруг поняла, что в лифте пахнет тем самым чаем, или, может быть, его одеколоном – терпким, с нотками дерева и табака.

– А вы почему в субботу не приехали? – вдруг спросил он, глядя прямо на нее.

Лизе показалось, что пол уходит из-под ног. Он ждал ее? Он заметил, что ее нет?

– Я... я работала. Отчетность, – выдохнула она жалкое оправдание.

– Жаль, – коротко сказал он. – Саша говорил, Катя подругу хотела привезти. Я подумал, может, это вы. Хотел еще раз чаем угостить. Только теперь уже не из термоса. У меня дома кофеварка хорошая. И варю я, говорят, прилично.

Лиза стояла, боясь дышать. Ей тридцать пять, она руководитель отдела, у нее в подчинении десять человек, а сейчас она чувствовала себя девочкой-подростком, которой признался в любви первый мальчик.

– Я... я не знала, что вы меня ждали, – наконец выдавила она.

– А я и не говорил, что ждал, – усмехнулся он. – Я сказал, что подумал. Это разные вещи. Но раз уж мы тут застряли, может, перейдем на «ты»? А то всё «вы» да «вы», как на собрании.

– Давай, – легко согласилась Лиза, чувствуя, как отпускает напряжение.

– Сережа, – он протянул ей руку в полумраке.

– Лиза, – ответила она, пожимая его теплую ладонь, и засмеялась. – Мы же вроде уже знакомы.

– Знакомы, – подтвердил он, не отпуская ее руки. – Но тогда было темно. А сейчас светло. Почти.

Он кивнул на тусклую аварийную лампочку, и Лиза снова рассмеялась. Ей вдруг стало легко и радостно, будто она только что выиграла в лотерею, о существовании которой даже не подозревала.

Лифт дернулся и поехал. Они вышли на его этаже, потому что Сергей предложил проводить ее до лестницы, чтобы она не ждала лифт снова. Они стояли в пустом холле, и он смотрел на нее сверху вниз тем самым спокойным, немигающим взглядом.

– Слушай, – сказал он, чуть помедлив. – А давай сегодня после работы? Без компаний, без шашлыков. Просто кофе. Если ты, конечно, не против. И если у тебя нет отчета.

– Нет отчета, – улыbnулась Лиза. – И я не против.

Весь день она проходила как во сне. Входящие документы, планерки, бесконечные письма – всё это проплывало мимо, не задевая сознания. Она смотрела на часы каждые пятнадцать минут и поймала себя на том, что улыбается экрану монитора, как дурочка.

Ровно в семь она вышла из офиса и увидела его. Он стоял у входа, прислонившись плечом к колонне, и курил, глядя куда-то вверх, на темнеющее небо. В свете уличного фонаря его седина казалась не признаком возраста, а какой-то благородной отметиной, печатью опыта. Он обернулся на звук ее шагов, и лицо его осветилось улыбкой – простой, открытой, без тени той сдержанной суровости, которая, видимо, и отпугивала от него женщин.

– Замерзла? – спросил он, замечая, как она прячет руки в рукава пальто.

– Немного.

Он молча снял шарф – большой, мягкий, серый – и накинул ей на плечи, концами обмотав вокруг шеи. Шарф пах им: тем самым чаем, деревом, табаком и еще чем-то родным, отчего хотелось закрыть глаза и прижаться носом к этой шерстяной ткани.

– Пошли, – сказал он. – Тут недалеко. Я живу в соседнем доме.

Они шли по вечернему городу, и Лиза поймала себя на мысли, что не помнит, когда в последний раз вот так просто гуляла с мужчиной, не думая о том, какое впечатление производит, не стараясь быть интересной, не подбирая слова. С Сережей было легко молчать. Его

молчание не давило, не требовало заполнения пустоты светскими разговорами. Оно было, как тот самый шарф на плечах, – теплым и укрывающим.

В его квартире пахло деревом и книгами. Огромные стеллажи занимали всю стену в гостиной, и Лиза, забыв про приличия, подошла рассмотреть корешки. Там были и классики, и современная проза, и какие-то толстые тома по истории, и даже поэты Серебряного века.

– Читаешь? – спросила она, обернувшись.

– Живу этим, – поправил он, появляясь в дверях с двумя чашками дымящегося кофе. – Книги – это единственное, что спасает, когда в голове серверы и коды.

Он протянул ей чашку. Кофе был именно таким, как он обещал, – крепким, ароматным, с легкой горчинкой, которая таяла на языке, оставляя послевкусие шоколада.

– Вкусно, – сказала Лиза.

– Рад, что понравилось. – Он сел напротив, в большое кожаное кресло, и смотрел на нее, не отрываясь. – Лиза, я, наверное, скажу сейчас что-то не то. Может быть, слишком быстро. Но я не люблю ходить вокруг да около. Мне сорок семь, я был женат, у меня взрослая дочь, которая учится в другом городе. Я не ищу приключений на ночь и не коллекционирую женщин. Я просто живу и работаю. И когда я увидел тебя тогда, в темноте, такую испуганную и одновременно сильную, я понял, что не хочу тебя терять. Не хочу, чтобы ты прошла мимо.

У Лизы перехватило дыхание. Она не ожидала такой прямоты. Мужчины обычно играли с ней в кошки-мышки, интриговали, держали паузу. А этот просто взял и выложил всё, как есть.

– Ты меня смущаешь, – честно призналась она.

– Извини, – он чуть наклонил голову. – Я не хотел. Просто я не умею по-другому. И если тебе это не нужно, если у тебя кто-то есть или ты не хочешь отношений, ты скажи сразу. Я пойму. Обидно будет, но переживу.

– Нет у меня никого, – тихо сказала Лиза, глядя в свою чашку. – И я тоже не коллекционирую. Просто после прошлых отношений... там было больно. И я боюсь. Боюсь снова ошибиться.

– Понимаю, – кивнул он. – Я тоже боюсь. Но если всё время бояться, можно так и просидеть всю жизнь в темноте, ожидая, пока кто-то включит свет. А свет, Лиз, надо включать самим. Вдвоем, наверное, легче.

Он протянул ей руку через журнальный столик, и Лиза, помедлив лишь секунду, вложила в нее свою ладонь. Его пальцы сомкнулись вокруг ее запястья, и она почувствовала, как бьется его пульс – спокойно, ровно, сильно.

– Я не обещаю тебе сказку, – тихо сказал он. – Я не умею красиво ухаживать, не умею говорить комплименты, и стихи я не пишу. Но я умею быть рядом. По-настоящему. Если тебе этого достаточно.

Лиза подняла на него глаза. В его взгляде не было игры, не было желания казаться лучше, чем он есть. Была только та самая глубинная надежность, которую она почувствовала еще тогда, в темном дворе.

– Этого более чем достаточно, – ответила она и улыбнулась.

За окном падал снег, крупными хлопьями, укрывая город белым одеялом. А в маленькой квартире, пропахшей книгами и кофе, двое людей, боящихся сделать неверный шаг, все-таки решились протянуть друг другу руки. И это было началом чего-то настоящего.

Глава 3. Испытание чувств

Первые недели их отношений были похожи на медленное таяние льда. Лиза, привыкшая к стремительным романам, которые вспыхивали как бенгальские огни и так же быстро сгорали, с удивлением обнаружила, что Сергей не торопится. Он не пытался затащить ее в постель на втором свидании, не забрасывал сообщениями каждые полчаса и не требовал отчета о каждом ее шаге. Он просто был рядом, и это "просто" оказалось самым сложным и самым прекрасным, что с ней случалось.

Они встречались после работы. Иногда пили кофе в маленькой кофейне у него в районе, иногда гуляли по набережной, несмотря на холод, иногда сидели у него дома – он читал свои технические журналы, она листала книги с его полок, и в этой тишине было больше близости, чем в самых страстных разговорах с другими мужчинами.

– Тебе не скучно со мной? – спросила она как-то вечером, отрываясь от томика Ахматовой.

Он поднял на нее глаза поверх очков – она впервые видела его в очках и вдруг поняла, что это невероятно ей нравится, этот интеллигентный, чуть рассеянный взгляд.

– Скучно? – переспросил он, словно не понимая значения слова. – Лиз, я с тобой впервые за много лет чувствую себя живым. Какая скука?

– Но мы же молчим часами, – улыбнулась она.

– А что, счастье требует озвучки? – Он отложил журнал и снял очки. – Знаешь, с моей бывшей женой мы говорили постоянно. Обсуждали всё: планы, проблемы, покупки, отпуск, отношения. Говорили, говорили, говорили... А в итоге оказалось, что сказать друг другу нечего. Потому что за словами ничего не было. А здесь, – он обвел рукой пространство между ними, – здесь слова не нужны. Я и так знаю, что ты думаешь. Вот сейчас, например, ты переживаешь, не слишком ли быстро всё развивается, и боишься, что я опять сделаю тебе больно.

Лиза замерла. Он прочитал ее мысли с пугающей точностью.

– Откуда ты...

– Ты когда волнуешься, начинаешь мять край кофты, – кивнул он на ее пальцы, теребящие шерстяной рукав. – Я наблюдательный. Привычка сисадмина: замечать мелкие неполадки, пока они не превратились в катастрофу.

– И что же ты делаешь, когда замечаешь неполадку? – тихо спросила она.

– Чиню, – просто ответил он. – Если позволяют.

Он встал, подошел к ней и сел на подлокотник ее кресла. Его рука легла ей на плечо, и Лиза почувствовала, как напряжение, копившееся дни, недели, может быть, годы, начинает отпускать.

– Я не сделаю тебе больно, – сказал он негромко, но так, что это прозвучало как клятва.
– Не потому, что я идеальный. А потому, что я слишком долго тебя искал, чтобы теперь разрушить.

Она подняла голову и встретила его взгляд. В этот раз в нем не было спокойствия – там бушевало что-то, от чего у Лизы перехватило дыхание. Он медленно наклонился и поцеловал ее. Не жадно, не требовательно, а так, словно пробовал на вкус что-то бесконечно драгоценное. И Лиза, закрыв глаза, утонула в этом поцелуе, как в том самом чае из термоса – обжигающем и сладком.

Их первая ночь не была похожа на голливудское кино с разбросанной одеждой и страстью на грани безумия. Всё случилось буднично и при этом невероятно. Они просто пили чай на кухне, потом он спросил: "Останешься?" – и она кивнула. Он дал ей свою футболку – огромную, серую, пахнущую им, и она, завернувшись в нее с головой, чувствовала себя маленькой девочкой в крепости из взрослой надежности.

А потом была темнота спальни, его руки, которые касались ее так, словно она была сделана из хрусталя, и одновременно так, будто она была самым желанным существом на земле. Он не торопился, он изучал ее, целовал каждый сантиметр кожи, шептал что-то неразборчивое, от чего мурашки бежали по позвоночнику.

– Ты красивая, – сказал он, глядя на нее сверху вниз, когда лунный свет падал на ее обнаженное тело. – Не той красотой, которой принято восхищаться в журналах. А настоящей. Живой.

– Перестань, – смутилась она, пытаясь прикрыться одеялом.

– Не перестану, – он отвел ее руку. – Я теперь каждый день буду тебе это говорить. Привыкай.

Она засмеялась, и смех перешел в тихий стон, когда его губы снова нашли ее губы. В эту ночь она поняла, что близость – это не только физика. Это когда ты позволяешь другому человеку увидеть тебя беззащитной и не боишься, что он использует это против тебя. Это когда его дыхание становится твоим дыханием, а его кожа – твоей кожей.

Утром она проснулась от запаха кофе. Сергей стоял на пороге спальни с подносом, на котором дымились две чашки, лежали круассаны и стояла маленькая вазочка с вареньем.

– Завтрак в постель, – объявил он. – Как тебе такое обслуживание?

– Ты опасный человек, – улыбнулась Лиза, садясь и прижимая одеяло к груди. – Так можно привыкнуть.

– А ты привыкай, – он поставил поднос и сел рядом. – Я вообще-то на многое способен, когда захочу.

– Например?

– Например, я умею готовить борщ. И гладить рубашки. И менять колеса на машине. И даже, кажется, начинаю учиться быть счастливым.

Он сказал это так просто, без пафоса, что у Лизы зашипало в носу. Она быстро отвернулась к окну, делая вид, что рассматривает снег за стеклом.

– Лиз, – он осторожно коснулся ее подбородка и повернул к себе. – Только не плачь, пожалуйста. А то я не знаю, что делать с женскими слезами. У меня от них паника.

– Не буду, – пообещала она, хотя глаза предательски блеснули. – Это я так, от счастья.

– От счастья можно, – разрешил он и поцеловал ее в мокрую щеку. – От счастья даже нужно.

Их идиллия длилась почти два месяца. Лиза поймала себя на том, что перестала ждать подвоха. Она привыкла просыпаться рядом с ним, привыкла к его ворчанию по утрам, к тому, что он разбрасывает носки, но всегда заправляет кровать, к его дурацким техническим шуткам, которые она наполовину не понимала, но всё равно смеялась. Она даже почти подружилась с его котами – двумя огромными рыжими бандитами, которые поначалу шипели на нее, ревнуя хозяина, а теперь спали у нее в ногах.

И вдруг всё рухнуло.

Это случилось в пятницу вечером. Лиза приехала к нему после работы, предвкушая уютные выходные вдвоем, и застала его на кухне с телефоном в руке. Лицо у него было такое, что у нее сердце ушло в пятки.

– Что случилось? – спросила она, снимая пальто.

Он поднял на нее глаза, и она увидела в них то, чего не видела никогда: растерянность.

– Дочь звонила, – глухо сказал он. – Катя. Она завтра приезжает. Насовсем. Бросает университет, говорит, что надоело, что хочет жить с папой. Лиз, я не знаю, что делать.

Лиза замерла. О дочери он говорил редко, но всегда с такой теплотой и болью одновременно, что она понимала: это святое. Катя была тем человеком, ради которого он, не раздумывая, пойдет в огонь и в воду.

– Ну... это же хорошо, – осторожно сказала она. – Что она хочет быть с тобой.

– Хорошо? – он вскочил и заметался по кухне. – Лиз, она даже не спросила! Просто поставила перед фактом. У нее там парень, наверное, или проблемы с учебой, а она вместо того, чтобы решать, сбегает к папе под крылышко. И я не могу ей отказать. Не могу. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Лиза, чувствуя, как внутри закрадывается холодок.

– И дело даже не в этом, – он остановился и посмотрел на нее. – Дело в нас. Она приедет, и мы... у нас не будет этого. Нашей тишины. Нашего пространства. Она же ребенок, ей будет

некомфортно, что у папы женщина. Да и тебе... Тебе зачем это? Чужая взрослая дочь, которая, скорее всего, возненавидит тебя с порога?

– С чего ты взял, что возненавидит? – возразила Лиза, хотя сама подумала о том же.

– Я знаю свою дочь, – горько усмехнулся он. – Она собственница. Когда мы с ее матерью разводились, она полгода со мной не разговаривала. А тут я, оказывается, посмел жить своей жизнью.

Он подошел к ней и взял за руки.

– Лиз, я не знаю, что делать. Я не хочу тебя терять. Но и от дочери отказаться не могу.

Лиза смотрела на него и понимала: вот оно. Первое серьезное испытание. И от того, как она себя поведет, зависит всё.

– Сереж, – сказала она твердо, – ты никого не теряешь. Твоя дочь приезжает – значит, мы будем решать это вместе. Если ты, конечно, хочешь, чтобы я была рядом.

– Ты серьезно? – в его глазах мелькнула надежда.

– Вполне. Я не собираюсь сдаваться без боя. И, знаешь, возможно, она не такая уж чудовище, как ты думаешь. Просто испуганная девочка, которой нужен отец.

Он смотрел на нее долго, не отрываясь, а потом прижал к себе так сильно, что хрустнули ребра.

– За что мне такое счастье? – прошептал он ей в макушку. – Ты даже не представляешь, что это для меня значит.

– Представляю, – ответила Лиза, обнимая его в ответ. – Я всё представляю.

Катя приехала в воскресенье. Лиза специально ушла к себе, чтобы не мешать их первой встрече, но договорилась с Сергеем, что вечером придет знакомиться. Она волновалась так, как не волновалась давно. Перемерила три платья, накрашилась, стерла макияж, накрашилась снова, в итоге остановилась на джинсах и мягком свитере – чтобы не выглядеть слишком вызывающе и слишком официально одновременно.

В дверь она позвонила ровно в семь. Открыл Сергей – вид у него был усталый, но глаза светились.

– Заходи, – шепнул он. – Она на кухне. Злая, как черт, но это нормально. Держись.

Лиза вошла. За кухонным столом сидела девушка лет девятнадцати – копия Сергея, только с длинными русыми волосами и мамиными голубыми глазами. Она окинула Лизу таким взглядом, что та почувствовала себя насекомым под микроскопом.

– Здравствуй, Катя, – улыбнулась Лиза, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Я Лиза.

– Я знаю, – буркнула девушка, не поднимаясь. – Папа рассказывал.

– Рассказывал? – Лиза удивилась. – И что же?

– Что ты боишься темноты, любишь Ахматову и пьешь кофе без сахара, – нехотя процедила Катя. – И еще что ты лучше всех, кого он встречал.

Лиза растерялась. Такого поворота она не ожидала.

– А ты... ты как? – спросила она, садясь напротив. – С дороги, наверное, устала?

– Устала, – коротко ответила Катя и отвернулась к окну.

Повисла неловкая пауза. Сергей стоял в дверях, переводя взгляд с одной на другую, и было видно, как он нервничает.

– Кать, – начал он, – может, поговорим?

– О чем? – вдруг взорвалась девушка. – О том, что ты без меня живешь? О том, что у тебя тут новая семья, а я так, по остаточному принципу?

– Это неправда, – твердо сказала Лиза, прежде чем Сергей успел открыть рот. – Твой папа места себе не находил эти дни. Он переживал за тебя больше, чем ты думаешь. И если ты приехала, значит, ты ему нужна. А он нужен тебе. Остальное неважно.

Катя уставилась на нее с таким изумлением, словно заговорила кошка.

– Ты чего лезешь? – спросила она, но в голосе уже не было прежней агрессии, только усталость и боль.

– Потому что я люблю твоего отца, – просто сказала Лиза. – И потому что я тоже когда-то была девятнадцатилетней дурой, которая считала, что весь мир против нее. А мир, Катя, не против. Он просто большой и сложный. И иногда в нем нужен кто-то, кто подставит плечо. У тебя такое плечо есть. Не отталкивай его.

Катя молчала долго. Потом вдруг всхлипнула, уткнулась лицом в ладони и разрыдалась. Сергей рванул к ней, обнял, прижал к себе, и они сидели вдвоем – большой лохматый мужик и его маленькая девочка – и плакали. А Лиза тихонько вышла на кухню, поставила чайник и стала смотреть, как за окном падает снег. Она знала: это только начало. Впереди будет много сложного, много боли, много притирок. Но она была рядом. И это было главное.

Глава 4. Территория доверия

Первая неделя жизни втроем напоминала хождение по минному полю. Катя замкнулась, почти не выходила из своей комнаты, отвечала односложно и при каждом появлении Лизы на кухне демонстративно уходила. Сергей метался между ними, как челнок, пытаясь угодить обеим, и от этого чувствовал себя только хуже.

– Она не спит ночами, – жаловался он Лизе, когда они в очередной раз обсуждали ситуацию в машине по дороге с работы. – Я слышу, она ходит по комнате. А днем лежит лицом к стене и молчит. Я боюсь, что с ней что-то серьезное.

– Ты спрашивал?

– Она не говорит. На все вопросы один ответ: "Всё нормально, пап, отстань".

Лиза молчала, глядя на мелькающие за окном фонари. Она понимала Катю. В девятнадцать лет любая боль кажется катастрофой вселенского масштаба, а родительское участие – вторжением в личное пространство. Но еще она понимала Сергея. Его отцовское сердце разрывалось от бессилия.

– Знаешь, – сказала она наконец, – может, мне стоит поговорить с ней? Наедине?

– Ты с ума сошла? – он резко повернул голову. – Она тебя на дух не переносит. Только хуже сделаешь.

– А что, есть что ухудшать? – усмехнулась Лиза. – Сереж, дальше игнора она уже не пойдет. Может, ей просто не хватает женского разговора. С тобой, мужчиной, она не может поделиться тем, что ее гложет. А со мной... вдруг получится?

Он смотрел на нее долгим, изучающим взглядом, словно видел впервые.

– Ты правда готова? – спросил он тихо. – Она может наговорить гадостей.

– Я переживу, – улыбнулась Лиза. – Я, знаешь ли, из отдела, где мужики почище твоей дочери гадости говорят, когда отчеты не сдаются.

Разговор состоялся в пятницу вечером. Сергей уехал в магазин за продуктами, оставив их вдвоем с наказом "не поубивать друг друга". Лиза постучала в Катину комнату, не дождалась ответа и вошла.

Катя лежала на кровати, уткнувшись в телефон. При появлении Лизы она закатила глаза и демонстративно повернулась к стене.

– Кать, я всего на пять минут, – сказала Лиза, присаживаясь на край кресла. – Выслушаешь?

– А если я скажу нет, ты уйдешь? – буркнула девушка.

– Нет. Но выслушать придется в любом случае, так что давай по-хорошему.

Катя фыркнула, но телефон отложила и села, скрестив руки на груди. Вся ее поза выражала глухую оборону.

– Я не собираюсь тебя учить жизни или читать морали, – начала Лиза. – Я просто хочу, чтобы ты знала: я на твоей стороне.

– Ой, да ладно! – Катя усмехнулась. – На моей стороне? Ты даже не знаешь меня. Ты просто хочешь быть с моим папой, а я тебе мешаю.

– Мешаешь? – Лиза покачала головой. – Глупости. Ты – часть его жизни. Самая важная часть. И если я хочу быть с ним, значит, я должна быть и с тобой. Хочешь ты этого или нет.

Катя молчала, сверля ее взглядом.

– Что у тебя случилось? – спросила Лиза прямо. – Не ври, что ничего. Я вижу, что ты не просто так приехала. Ты бежала от чего-то. Или от кого-то.

Катя дернулась, словно от удара. Ее лицо на мгновение исказилось такой болью, что у Лизы сердце сжалось.

– Не твое дело, – выдавила она сквозь зубы.

– Мое, – твердо сказала Лиза. – Потому что твой отец места себе не находит. Он думает, что это из-за него. Что он плохой отец, раз ты сбежала от него в другой город, а теперь бежишь обратно. Он винит себя, Катя. А ты позволяешь ему в этом жить.

– Я не... – Катя запнулась, и в ее глазах блеснули слезы. – Я не хотела, чтобы он...

– Знаю, что не хотела. Но так получилось. И теперь у тебя есть выбор: либо ты будешь продолжать играть в молчанку и мучить себя и его, либо расскажешь всё как есть. Тебе решать.

Лиза встала и направилась к двери. У порога она обернулась.

– Я на кухне. Если захочешь поговорить – приходи. Обещаю, что никому, даже папе, не скажу ничего без твоего разрешения.

Она вышла, прикрыв дверь, и прислонилась к стене, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Разговор вымотал ее сильнее, чем годовая отчетность.

Прошло минут двадцать. Сергей еще не вернулся. Лиза сидела за кухонным столом, грея руки о кружку с чаем, и вдруг услышала шаги. Катя стояла на пороге, бледная, с красными глазами, но в ее взгляде больше не было прежней враждебности.

– Можно? – спросила она тихо.

Лиза кивнула и подвинула стул.

Катя села напротив, долго молчала, теребя край свитера, а потом заговорила. Сначала сбивчиво, запинаясь, потом всё быстрее и быстрее, словно боялась, что ее остановят.

История оказалась банальной и страшной одновременно. Парень, первая любовь, красивые ухаживания, обещания вечной любви. А потом – контроль, ревность, запреты. Сначала он просто злился, если она задерживалась в университете. Потом начал проверять ее телефон. Потом запретил общаться с подругами. А в последний месяц – ударил.

– Только один раз, – шептала Катя, размазывая слезы по щекам. – Он сказал, что случайно, что я сама довела. И я поверила. Я же любила его, дура. А потом он пришел пьяный и... я еле вырвалась. Собрала вещи и уехала. Даже билет взяла на поезд, хотя денег почти не было.

Лиза слушала, и внутри нее закипала холодная ярость. Она знала этот сценарий. Сама чуть не попала в такую ловушку лет десять назад, когда один "обаятельный" тип пытался убедить ее, что она без него никто. Хорошо, что хватило ума уйти.

– Ты папе сказала? – спросила она, когда Катя замолчала.

– Нет! – испуганно вскинулась девушка. – Ты что? Он же убьет его! И сядет в тюрьму!

– Не убьет, – покачала головой Лиза. – Но разговор у них будет серьезный. И должен быть. Кать, ты не одна. Ты должна это понять. То, что случилось – это не твоя вина. Это его вина. Ты ни в чем не виновата.

– Но я же сама...

– Никаких "сама", – отрезала Лиза. – Слышишь? Никаких. Ты жертва. И тебе нужна помощь. Профессиональная помощь. И поддержка отца. А не это самоедство.

Катя смотрела на нее огромными, полными слез глазами, и в них впервые за эту неделю появилось что-то похожее на доверие.

– А ты... ты pomoжешь мне ему сказать? – прошептала она. – Я боюсь. Он так меня любит, так переживает... Я не хочу его расстраивать.

– Расстраивать? – Лиза встала и обняла ее за плечи. – Катя, ты для него – всё. И единственное, что его расстраивает по-настоящему, – это когда ты страдаешь молча. Он должен знать. Мы вместе скажем ему. Хорошо?

Катя кивнула и уткнулась лицом Лизе в плечо. Так их и застал Сергей, вернувшийся с полными сумками продуктов. Он замер на пороге кухни, глядя на эту картину, и в его глазах стояло такое изумление, что Лиза невольно улыбнулась сквозь подступившие слезы.

– Я что-то пропустил? – спросил он растерянно.

– Пропустил, – ответила Лиза. – Иди сюда. Разговор есть.

Они проговорили до глубокой ночи. Сергей слушал, сжимая кулаки так, что костяшки побелели, но держал себя в руках. А когда Катя, всхлипывая, закончила рассказ, он встал, подошел к ней, опустился на колени и прижал ее голову к своей груди.

– Прости меня, дочка, – сказал он глухо. – Прости, что не уберег. Что не был рядом. Но теперь я здесь. И я никому не дам тебя в обиду. Слышишь? Никому.

– Пап, я сама дура...

– Замолчи, – перебил он мягко. – Ты не дура. Ты моя девочка. И ты попала в беду. Но беда – она на то и беда, чтобы ее переживать вместе. Мы справимся. Я обещаю.

Лиза тихонько вышла, оставляя их наедине. Она стояла в прихожей, прислонившись лбом к холодной стене, и думала о том, как хрупок этот мир, который они только начали строить. И о том, что настоящий мужчина – это не только тот, кто чинит шкафы и спасает от темноты. Это еще и тот, кто умеет просить прощения. И тот, кто умеет прощать. И тот, кто, стоя на коленях перед плачущей дочерью, готов разорвать любого за ее слезы, но вместо этого просто гладит по голове и шепчет: "Я рядом".

Ночью, когда Катя наконец уснула, Сергей пришел к Лизе. Он долго сидел на краю кровати, молчал, а потом взял ее руку и поднес к губам.

– Спасибо, – сказал он тихо. – Я даже не знаю, как ты это сделала. Но спасибо.

– Я ничего не сделала, – ответила Лиза. – Она сама. Просто ей нужно было, чтобы кто-то выслушал.

– Ты выслушала. Ты поверила. Ты не отвернулась. Для меня это... – Он запнулся, подбирая слова. – Ты даже не представляешь, что это для меня значит.

Лиза приподнялась и обняла его за шею.

– Представляю, – шепнула она. – Потому что я тоже тебя люблю. И её уже немножко люблю. За то, что она твоя.

Сережа обнял ее в ответ, и они сидели так долго-долго, слушая, как за окном падает снег, а в соседней комнате тихо посапывает во сне Катя. И в этом доме впервые за долгое время было по-настоящему тепло.

Глава 5. Чужие не мы

Весна ворвалась в их жизнь неожиданно, как это всегда бывает в северном городе – еще вчера сугробы под окнами достигали первого этажа, а сегодня уже всю звенела капель, и солнце, настоящее, яркое, слепило глаза, отражаясь от мокрого асфальта.

Катя потихоньку оттаивала вместе с природой. Она перестала прятаться в своей комнате, начала выходить к завтраку, а потом и вовсе записалась на курсы графического дизайна – Лиза подкинула идею, вспомнив, что у подруги есть своя студия. Поначалу Катя отнекивалась, но Сергей так обрадовался любой ее инициативе, что девушка просто не смогла его разочаровать.

– Она спрашивала про тебя, – как-то вечером сообщил Сергей, разбирая сумку с продуктами. – Когда ты придешь. Сказала, что хочет показать свои первые работы.

Лиза замерла с чайником в руке.

– Правда?

– Правда. Я, если честно, чуть не расплакался, когда это услышал. Лиз, ты творишь чудеса.

– Я не творю, – улыбнулась она. – Просто я тоже была девятнадцатилетней дурой, которая считала, что весь мир против нее. Хорошо, что тогда нашлась одна женщина, которая сказала мне правильные слова.

– Какая женщина?

– Мама, – просто ответила Лиза. – Она вообще много правильных слов говорила. Жаль, что я начала их слышать только после того, как ее не стало.

Сергей подошел и обнял ее со спины, уткнувшись носом в макушку.

– Твоя мама вырастила потрясающую дочь, – сказал он тихо. – Я бы хотел когда-нибудь сказать ей спасибо.

– Скажешь, – Лиза повернулась в его объятиях. – Только для этого тебе придется сходить со мной на кладбище. И познакомиться.

– Пойдем, – легко согласился он. – Хоть завтра.

На кладбище они поехали в субботу. Катя увязалась сама, сказав, что не хочет сидеть одна в пустой квартире, и Лиза вдруг поймала себя на мысли, что ей это приятно. Они шли по мокрой после дождя земле между старых могил, и Лиза рассказывала про маму – какая она была, как пекла пирожки с капустой, как ругалась, когда Лиза приходила поздно, как плакала на ее выпускном.

– Она бы тебя полюбила, – сказала Лиза Сергею, останавливаясь у знакомого ограждения.
– Ты похож на моего отца. Такой же большой и неуклюжий в чувствах.

– Я не неуклюжий, – обиделся он.

– Неуклюжий, – подтвердила Катя неожиданно. – Ты когда обнимаешь, у меня ребра трещат. Но я молчу, потому что знаю – от любви.

Они рассмеялись, и этот смех среди могил прозвучал не кошунственно, а как-то домашнему уютно. Лиза поставила цветы, присела на корточки перед памятником и долго молчала. Сергей и Катя стояли поодаль, не мешая.

– Ну вот, мам, – прошептала Лиза. – Знакомся. Это мои. Теперь у меня есть свои.

Она не заметила, как по щеке покатилась слеза, и не сразу поняла, что Катя подошла и положила руку ей на плечо.

– Пойдем, – сказала девушка тихо. – Холодно. Она же видит, что ты счастлива. Матери всегда видят.

Лиза поднялась, вытерла щеку и улыбнулась.

– Откуда ты знаешь?

– Моя мама в другом городе, мы редко видимся, – пожала плечами Катя. – Но я знаю, что она меня чувствует. Даже на расстоянии. А тут... она же рядом, да?

– Рядом, – кивнула Лиза. – Всегда рядом.

Они пошли к выходу, и Сергей, пропуская девушек вперед, вдруг поймал себя на мысли, что это, наверное, и есть счастье. Просто идти за своими женщинами по мокрой земле и знать, что дома ждет горячий чай и никакой темноты.

А через неделю случилось то, чего они все подсознательно боялись.

Лиза была на работе, когда в дверь ее кабинета постучали. Вошла секретарша с растерянным лицом.

– Лизавета Сергеевна, там к вам... мужчина пришел. Говорит, по личному делу. Я говорю – запишитесь, а он... он странный какой-то. Я милицию вызвала уже, на всякий случай.

– Какой мужчина? – Лиза нахмурилась.

– Молодой. Невзрачный такой. Требует Катю. Говорит, что она его невеста и что он забрет ее домой.

У Лизы похолодело внутри. Она вскочила и выбежала в приемную.

Он стоял у входа – тощий, прыщавый парень в дешевой куртке, с бегающими глазками и нервно дергающейся щекой. Увидев Лизу, он подался вперед, но охранник преградил ему путь.

– Вы кто? – резко спросила Лиза, чувствуя, как внутри закипает ярость. – Что вам нужно?

– Я Катин парень, – он говорил нагло, но глаза выдавали страх. – Она сбежала, а я приехал вернуть. Это не ваше дело, тетка, дайте пройти.

– Тетка? – Лиза усмехнулась. – Слушай ты, козявка. Кати здесь нет. И никогда не будет. А если я еще раз тебя увижу в радиусе километра от этого здания или от ее дома, я лично позвоню своим друзьям, и они объяснят тебе, как обращаться с девушками. Понял?

– Ты мне угрожаешь? – он попытался набычиться, но выглядело это жалко. – Я заявление напишу.

– Пиши, – кивнула Лиза. – Хоть книгу. А пока пишешь, знай: Катя под защитой. И не моей. Ее отца. А он, поверь, с тобой разговаривать не будет. Он сразу действовать начнет. Ты ведь не хочешь узнать, как именно?

Парень побледнел. Видимо, информация о Сергее до него дошла быстрее, чем Лиза ожидала. Он попятился к выходу, бормоча что-то про "психованных баб" и "еще придет", но в глазах его читалось одно – страх.

Когда дверь за ним закрылась, Лиза выдохнула и прислонилась к стене. Руки тряслись. Она вдруг поняла, что только что, не задумываясь, вступила в схватку за чужого, в общем-то, человека. Но Катя уже не была чужой.

Вечером они собрались на кухне втроем. Катя сидела бледная, кусала губы, но в глазах ее не было прежнего ужаса – только злость и решимость.

– Он звонил мне, – призналась она. – Умолял вернуться, обещал, что всё изменится. А потом начал угрожать. Сказал, что убьет себя, если я не приду.

– Классика, – скрипнул зубами Сергей. – Манипулятор хренов.

– Я знаю, – Катя подняла глаза. – Я уже не та дура, что была полгода назад. Я послала его. Сказала, чтобы катился к черту. И заблокировала.

– Молодец, – Лиза протянула руку и сжала ее ладонь.

– А он приехал, – голос Кати дрогнул. – Он же ненормальный. Он может прийти сюда.

– Не придет, – отрезал Сергей. – Я сегодня же поставлю домофон с камерой. И кодовый замок на подъезд. А если сунется – вызову полицию. У нас теперь есть заявление, которое ты написала. Это не просто слова, это документ.

Катя посмотрела на отца, потом на Лизу и вдруг улыбнулась – впервые за долгое время настоящей, теплой улыбкой.

– Я так рада, что вы у меня есть, – сказала она тихо. – Оба.

Лиза переглянулась с Сергеем, и в этом взгляде было всё – и гордость, и нежность, и благодарность за то, что эта девочка, еще недавно чужая и враждебная, теперь стала своей.

– Кать, – сказала Лиза, – мы у тебя есть. И это навсегда. Так что привыкай.

Ночью, когда Катя уснула, они долго сидели на кухне, пили чай и молчали. Сергей вдруг взял Лизу за руку и поднес к губам.

– Ты не представляешь, что сегодня сделала, – сказал он хрипло. – Ты одна пошла на этого урода. Не побоялась.

– Испугалась, – честно призналась Лиза. – Но когда речь идет о своих, страх уходит. Остается только злость.

– Своих, – повторил он. – Ты сказала "своих".

– А разве нет?

Он не ответил. Вместо ответа он притянул ее к себе и поцеловал так, как не целовал никогда – благодарно, отчаянно и нежно одновременно. А за окном таял последний снег, и где-то в темноте пробивалась первая весенняя трава.

Глава 6. Свои среди чужих

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.